

МОНАСТЫРИ ВОСТОЧНОГО ТИБЕТА ШКОЛЫ НЬИНГМАПА

Аннотация. Статья посвящена описанию монастырей Восточного Тибета старейшей школы тибетского буддизма Ньингмапа. Ее основой послужил дневник командировки в один из наиболее труднодоступных районов Кхама – Тибетский автономный округ Ганьцзы провинции Сычуань, китайские и тибетские источники, собранные во время исследований автора. В статье также дается краткая экспозиция школы Ньингмапа и учений Дзогчен и Чань в буддийской традиции Тибета.

Ключевые слова: Восточный Тибет, Кхам, буддизм, школа Ньингмапа, Дзогчен, Чань.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ №13-01-00086.

Вместо предисловия

Летом 2012 г. я во второй раз побывала в Восточном Тибете в Кхаме – наиболее труднодоступном районе этнического Тибета. В настоящее время Кхам разделен между четырьмя административными единицами КНР – Тибетским автономным районом, провинциями Сычуань, Юньнань и Цинхай. Я посетила сычуаньский район Кхама– Тибетский автономный округ Ганьцзы. Округ представляет собой огромное многообразие климатических зон и географических характеристик. Эта горная страна со средней высотой над уровнем моря свыше 3500 м является одним из самых известных в мире естественных природных парков с ледниковыми каскадами на низких высотах, снежными горными гигантами, хорошо сохранными девственными лесами, высокогорными озерами, огромным количеством горячих источников. Площадь округа составляет 156 700 кв. км, население – 930000, среди которых 77,84% – тибетцы. Административным центром округа является г. Кандин.

Выдающийся исследователь Внутренней Азии П.К. Козлов замечательно передал природные особенности Восточного Тибета: «По мере того как реки, стремящиеся в эту сторону, вырастают в могучие водные артерии, нагорье Тибета все больше и больше размывается, превращаясь в горно-альпийскую страну. Долины рек, мрачные ущелья и теснины чередуются здесь с водораздельными гребнями гор. Дороги или тропы то спускаются вниз, то ведут вновь на страшные относительные или абсолютные высоты. Мягкость и суровость климата, пышные и жалкие растительные зоны, жилища людей и безжизненные вершины величественных хребтов часто сменяются перед глазами путешественника. У ног его развертываются или чудные панорамы гор, или кругозор до крайности стесняется скалистыми боками ущелья, куда путник спускается из заоблачной выси; внизу он слышит неумолкаемый шум, по большей части голубых пенящихся вод, тогда как наверху тишина нарушается лишь завыванием ветра и бури ...»¹.

В таких местах и проходило мое путешествие. Я забралась на этот раз в самые отдаленные уголки Кхама – уезды Пэлюю и Дэргэ, которые река Дричу (кит. Цзиньша) отделяет от Тибетского автономного района. Характерной особенностью этих мест является то, что там по преимуществу распространена «красная вера» тибетского буддизма – школы Сакьяпа и Ньингмапа. Со школой Ньингмапа у меня особая связь. Я писала кандидатскую диссертацию по учению школы Дзогчен – высшей ступени

пути освобождения школы Ньингмапа, поэтому для меня было особенно значимым посетить знаменитые места, связанные с историей школы.

Коротко о школе Ньингмапа

История буддизма в Тибете подразделяется на два периода. В период первой волны проповеди буддийского учения, пик которой пришелся на VIII в., была проделана огромная работа по переводу буддийских сочинений на тибетский язык, отстроены первый буддийский монастырь и множество храмов, образована община посвященных монахов. К IX в. политическая жизнь страны почти полностью находилась в руках буддийского духовенства. Однако чрезмерное возвышение буддизма не привело к укреплению центральной власти, а, напротив, вызвало обострение политической жизни в стране. В 836 г. цэнпо Ралпачен был убит сторонниками религии Бон. С падением его правления завершилась первая волна распространения буддизма в Тибете.

Преемником Ралпачена стал его брат Ландарма, подвергший буддизм жестоким гонениям. В период преследования буддистов при царе Ландарме большинство санскритских оригиналов, с которых делались переводы на тибетский язык, были утрачены. В основном это касалось тантрийских текстов, распространявшихся в строгой эзотерической традиции. При возобновлении деятельности буддийских проповедников в X–XI вв. эти санскритские оригиналы не были найдены, и даже индийские учителя не могли подтвердить происхождения текстов тибетских переводов, поскольку изложенные в них учения в Индии не сохранились.

По этой причине Атиша, знаменитый проповедник буддизма, и его тибетские сподвижники не признали ранее сделанные переводы священного писания и, по существу, вновь проделали грандиозную работу по переводу всего буддийского канона. В результате образовавшиеся со времен Атишы школы тибетского буддизма получили название «школ новых переводов» (Сармапа), к которым причисляют школы Кадампа, Сакьяпа, Гэлукпа, Кагьюпа, а их основатели стали возводить линии преемственности учения школы непосредственно к индийским учителям древности – таким как Тилопа, Наропа, Вирупа и др.

Вслед за образованием «новых школ» последователи гуру Падмасамбхавы, овеянного легендами патриарха тибетского буддизма VIII столетия, в противовес новому течению стали именовать себя «школой приверженцев старых переводов тантр», Ньингмапа. Поскольку школа Ньингмапа связывает свое происхождение с истоками буддийского учения в Тибете, она и считается самой ранней школой тибетского буддизма.

Гуру Падмасамбхава, которого адепты Ньингмапы считают основателем своей школы и почитают наравне с Буддой Шакьямуни, был представителем процветавшей в Индии традиции махасиддхов – великих созерцателей Индии. Словом «сиддха» называли человека, владевшего различными паранормальными способностями (сиддхи). Например, считалось, что сиддха мог проходить сквозь твердые тела, мгновенно перемещаться в пространстве, принимать любой облик и т.п. Сиддхи были основными представителями тантризма в Индии – как буддийского, так и не буддийского. Несмотря на то, что в буддизме существовало несколько направлений традиции сиддхов, доктринальных разногласий между ними было мало. Йогическая практика, эзотерические ритуалы и мистическая идеология – неотъемлемые черты этой традиции.

Сиддхи превозносили простой и прямой путь достижения спасения. Они не были заинтересованы в создании культа или секты и жили в различные периоды и в различных странах чаще как отшельники-созерцатели. Стремительное восхождение к нирване посредством искусных методов, обретаемых в практике йоги и тантрийских ритуалов, отличало традицию ма-

хасиддхов от других направлений буддизма в Индии. Данная традиция, опирающаяся на практику, которая ведет к прямой реализации нирванического тела, легла в основу всех эзотерических школ тибетского буддизма.

Институционально школа Ньингмапа оформилась в XIII-XIV вв., в XV в. adeпты школы создали в противовес «новым школам» свой канон священных текстов, куда были внесены древние тантры первой волны распространения буддизма. В школе имеется шесть великих монастырей: Миндолин, Дорчжедраг, Катог, Дзогчен, Шечен и Пэлюл. Первые два находятся в Уйе (Центральном Тибете), тогда как оставшиеся четыре – в Кхаме. Я побывала в пяти из них, за исключением монастыря Шечен.

Настоящий очерк посвящен путешествию в монастыри школы Ньингмапа Пэлюл, Катог и Дзогчен, а также Дэргэский печатный двор. Его основанием послужил дневник, выдержки из которого и представляются вниманию читателей.

Монастырь Пэлюл

В уезд Пэлюл, обычно все его называют на китайский манер Байюй, я отправилась из уездного города Ганьцзы. Байюй располагается в северной части округа Ганьцзы, северном отрезке горного хребта Хэндуань, восточном берегу верхнего течения реки Цзиньша (тиб. Дричу), находится на высоте 2970 м, от Кандина – 622 км, от Чэнду 998 км, площадь уезда 10591 кв. км, население 42000 чел. (тибетцев 94,8%).

Байюй оказался изумительным по красоте местом, но попасть туда получилось не так-то просто. От Ганьцзы до Байюй 230 км ехать пришлось семь часов. Первый раз я поняла, что такое по тибетским меркам действительно плохая дорога. Сперва поднимались на перевал, дорога бесконечным серпантинном шла все выше и выше, снежный перевал, спуск около часа, потом высокогорная пустыня, вся усыпанная огромными валунами и булыжниками. Это все уезд Синлун (тиб. Ньяронг). Потом начался уезд Байюй – то же самое, потом спуск и наконец прекрасная картина альпийских лугов с холмами, покрытыми зеленью, огромными стадами яков, первое поселение. После альпийских лугов мы спустились в долину реки Цзиньша, дорога пошла по глубокому ущелью вдоль ее течения. По обе стороны ущелья возвышались горы, покрытые самыми разнообразными могучими деревьями. Кедр, пихта, лиственница, ивы (далее не знаю) растут в изобилии. Прямо настоящий Кавказ! После 5 часов безлюдья появились дома, расположенные по склонам гор. Для их основания вырезались террасы, а поскольку фундамент следует рельефу горы, то дома оказывались 3-4 этажными, напоминая средневековые крепостные постройки. Конечно, очень живописно, непонятно только, как тибетцы выдерживают постоянные спуски и подъемы к своим горам.

Город совершенно не похож на обычные небольшие тибетские городки. Главная улица, на которой расположена моя гостиница, довольно чистая, на ней растут высоченные деревья, чего не встретишь в Тибете. Попутчики говорили, что в монастырь Пэлюл можно попасть только на такси, которое стоит 20 юаней. Я пошла по улице и вдруг увидела по правую руку по всему склону горы огромнейших размеров комплекс монастырских строений, не уступающих по своим размерам Потале или Дрепунгу. Я не могла и представить, что ньингмапинский монастырь может быть таких масштабов. Спросила на улице, где взять такси до монастыря, на что мне ответили, что быстрее будет подняться самой. К этому времени я уже приобрела определенную сноровку и выносливость и поэтому смело отправилась наверх.

Там на площадке перед монастырем упражнялись в диспуте восемь кружков монахов приблизительно по 30 человек каждый, всего где-то 250

человек. Рано утром следующего дня опять отправилась вверх к монастырю. Молодые монахи подтягивались к учебному корпусу. Побеседовала с одним монахом, хорошо говорившим по-китайски. Всего в монастыре 600 монахов, студентов буддийской академии – 300-400. Они встают в 5.30, занимаются самостоятельно, с 9.00 до 12.00 – общие занятия. Обед, потом каждый работает индивидуально. Вечером, до 6.00, диспуты. В субботу, а сегодня суббота, общие чтения, будут читать Ганчжур. Я спросила насчет нингмапинских практик, на что мне было отвечено, что их более глубоко изучают в университете Яцин, а здесь в основном проходят общевуддийские дисциплины.

У них три римпоче. Падма Норбу уже ушел в нирвану, Тубсан в Индии, Карма Кунчен здесь. Их школа по-лхасски произносится как Пэлюл, по-кхамски звучит как Хуаир. В 8.00 началась общая молитва. Ученики заходят, делают простирания, рассаживаются и начинают читать. Великолепное здание молитвенного зала цогчена. Наверху купол, по краям потолка остекление, откуда в зал льется свет. В каждой половине по 7 рядов, в каждом ряду – по 25 человек, всего, таким образом, 350 человек. Посередине алтарной части статуи Будды Шакьямуни, слева гуру Падмасамбхавы, справа Ваджрасаттвы. Перед собранием большой трон, по бокам два поменьше. Один монах принес забытую мной на улице камеру, другой налил чаю. Всем монахам чай уже разлили и дали тексты. Запела читает в микрофон, остальные сидят и озираются по сторонам. Для молодежи это одновременно и завтрак. Они кладут в чай ячменную муку цзамбу, сминают в комок и едят. 8.30. Все продолжают пить чай и есть. Я тоже выпила три стаканчика. Теперь наставник что-то им объясняет. Чаем обносят беспрерывно, неудивительно, что они могут выпивать по 60 стаканов чаю в день. Немного прохладно, а чай и согревает, и утоляет жажду. В 8.30 все начали дружно читать, а я снимать. Уже выпила пять стаканчиков. Сперва все читали вместе, потом начался невообразимый гвалт: это каждый начал читать сам по себе. Пошла осматривать монастырь.

Перед площадкой-террасой, возвышающейся над всем городом, три больших здания, между двумя бордовыми одно белое. Правое красное здание. Там читает и стучит в барабан монах. В центре большая, метров десять, золотая ступа на постаменте высотой три метра. К монаху подходят люди, говорят ему что-то, он кивает, отвечает, записывает, ему протягивают деньги. Ласково разговаривает с подошедшей женщиной, подходит еще одна женщина, помоложе, и что-то долго рассказывает. Монах говорит, что история монастыря насчитывает более 800 лет и что это самый большой монастырь красной веры. Вообще, как оказалось, почти все монастыри Кхама претендуют на 800-летнюю историю. Монах говорит, что у него более сотни филиалов. В большой ступе находятся останки основателя монастыря Кейцзун Сэра. Слева и справа две ступы поменьше, по сторонам в нишах – еще пять ступ, еще меньше.

Согласно китайским источникам, монастырь основан в 1675 г. Окрестность вокруг него образует рисунок счастливого предзнаменования, из-за чего он получил свое название (тиб. Пэлюл – «счастливая земля»). В период правления императора Цяньлуна, 12-й год Земляного Дракона по тибетскому календарю, 4-й настоятель Сяма Цзаси (кит. транскрипция) Римпоче отправился по приглашению в Пекин, получил титул наставника императора, личную печать от императора Цяньлуна, сделанную из золота, серебра, слоновой кости, нефрита, а также императорский указ с золотыми иероглифами и императорский паланкин, вследствие чего монастырь приобрел большую известность. Для императорских подарков был сооружен специальный храм. Следует отметить, что практически для всех китайских источников, повествующих о Тибете, характерна тенденция всячески преувеличивать китайское влияние на тибетские дела. В период правления 7-го настоятеля монастыря – Цзялай Байма Доань Даньчжэнь

Гэсун Цецзи Ланва, чей отец был высоким сановником Цинского двора и прославился на весь Тибет своим военным искусством, – были сооружены многочисленные ступы, храмы, буддийские статуи, приобретено огромное количество священных рукописей. Монастырь Пэлюл является одним из шести главных монастырей Кхама, а также одним из пяти семейных храмов Дэргэских князей. Более 300 дочерних монастырей находятся в Цинхае, Тибете, Нгаба, Ганьцзы. Ежегодно с 1 по 14 мая монастырь проводит грандиозную службу по поводу годовщины прихода Падмасамбхавы Тибет.

Монастырь Като

Следующим пунктом моего посещения был монастырь Като, ради чего я, собственно, и забралась в эту глушь. По карте видно, что на половине пути к Дэргэ следует сделать отворот вправо. Никакой транспорт туда специально не идет. Ничего не оставалось, кроме как нанять машину за немислимые 260 юаней туда и в случае, если не найду там ночлега и машину прямо до Дэргэ, обратно.

Всего от Байюй до монастыря около 50 км. Дорога изумительная, идет вдоль отвесных гор справа. Слева течет река Цзиньша. Цзиньша по-китайски означает золотой песок. Река действительно густого желтого цвета. На другом берегу собственно Центральный Тибет, или Тибетский автономный район КНР. Дорога до Като произвела на меня очень глубокое впечатление. Поездка туда оказалась, наверное, одной из самых замечательных в моем путешествии. Сперва мы ехали по глубочайшему ущелью по склону горы, которая справа, слева – обрыв и река внизу. Хотя я и сидела справа, но постоянно чувствовала пустоту в желудке: шофер все время ехал по самому краю обрыва и так резко поворачивал на поворотах, что мне казалось, что я вот-вот улечу вместе с машиной в обрыв. От Байюй сначала идет река Цзиньду, впадающая в реку Цзиньша. От очередного моста через реку дорога раздваивается: левая ведет в Дэргэ, правая – в Като. Дальше Като дороги уже нет. Затем начинается подъем. Я знала, что где-то посередине дороги есть отворот в Като, и соображала, как можно будет оттуда выбраться, если не будет попутной машины до Дэргэ. В моих планах было добраться до дороги пешком, так как расстояние по карте совсем небольшое. Однако все мне говорили, что это невозможно, так как монастырь находится на самой вершине горы. Так вот я и не представляла, о какой вершине идет речь. Начался подъем, и мы в течение часа поднимались по такому серпантину, что дух захватывало, и поднялись, по словам шофера, на высоту 4800 м. Нечто подобное – на подъеме к монастырю Ганден в окрестностях Лхасы, но тут круче вдвое. Впечатление, что поднялись прямо в небо. После очередного поворота открылся потрясающий вид на монастырь. По всему склону высочайшей горы рассыпались монастырские строения. Слева сверкали золотом храмы какого-то необычного непальско-индийско-тибетского стиля. Справа на горе возвышался бетонный каркас, как сказал мой шофер, Второй Пotalы, которую вознамерились соорудить амбициозные руководители школы Като. По словам шофера, в монастыре около 17 лам – божественных воплощений рипоче. На мой вопрос, откуда такие деньги и как все это завозят на такую высоту, он ответил, что у каждого рипоче есть свои ученики, большая часть китайцы, они-то и дают огромную спонсорскую помощь. Частный дом-крепость зажиточного тибетца стоит от 5 до 15 млн. рублей. А что говорить о таких постройках как Пэлюл и Като, которые по своим масштабам не уступают монастырям Лхасы. Я попала из мира Гэлукпы в мир красной веры, как здесь говорят. Уезды Дэргэ и Байюй отделены от остальной части округа высочайшими горными хребтами, с Центральным Тибетом их разделяет водная преграда. Отрезанные

от мира, они представляют другой мир – буддистов-красношапочников, старой веры тибетцев.

На машине мы забрались почти на самый верх. Монастырь во время культурной революции практически был полностью разрушен, все, что я сегодня видела, – новодел. Все храмы закрыты, ни людей, ни монахов, но повсюду идет строительство.

Китайские источники сообщают, что монастырь Гато (Като) расположен на середине горы Донишань пади Байлунгоу района Хэпо уезда Байюй, в 51 км от уездного города. Является одним из шести великих монастырей школы Ньингмапа. Основан в 1159 г. третьим высоким монахом Ньинмапы – Га Данба Дэси (Кадампа Дэшер), младшим братом Пхагмодрупы. полное название монастыря «Гато Доцзедин» (Като Дорчжедин). С основания до сегодняшних дней монастырь пережил 84 поколения настоятелей. Като имеет 112 дочерних монастырей по всему Тибету, Монголии, Китаю, Сиккиму. Согласно сведениям американского тибетолога А. Берзина, в 1959 г. в монастыре размещалось 1050 монахов. Монастырь Като прославился своей ученостью. Тибетский буддийский ресурсный центр сообщает, что в монастыре составлено издание священных текстов Ньингмапы «Кама» в 120 томах, вдвое превосходящее издание Дуджоме Римпоче. Монастырь также считается цитаделью традиции ануйоги Ньингмапы – восьмой ступени на пути к спасению. Говорят, что раньше в монастыре проживало около 800 монахов. Вновь его открыли в 1982 г. В период выхода китайского источника, т.е. в 2007 г., в монастыре было шесть римпоче, три доктора буддийской философии кенпо, 260 с лишним монахов. Монастырь имеет очень высокую репутацию и является самым известным местом поклонения красношапочной религии Кхама, куда приходят паломники со всех частей из Тибета, Монголии, Индии, Бутана.

Поразил воображение один храм. Стилль непальско-индийский, золотая крыша, на ней обычные лани и колесо учения, но вокруг сплошь статуи тантрических божеств в позе яб-юм (слияния). Вдоль дороги священного обхода коры по левую руку глиняные статуи разных животных: птицы, льва и свиньи, пожирающих внутренности лежащего внизу человека. Эта группа – животное/птица с окровавленным ртом, человек с развернутыми внутренностями, буддийское божество – повторялась через небольшое расстояние. Со второго этажа скалились черепа и висящие вниз головой люди. Монастырь Пэлюю и его школа, по словам ученика академии, хотя и принадлежит к школе Нингмапа, но внешне ничем не отличается от обычных тибетских монастырей, и изучаются там общебуддийские дисциплины. Обычно часовни с хранителями школы идамами в монастырях Гэлукпы находятся на втором этаже в отдалении, подальше от посторонних глаз, туда не следует заходить просто так. Здесь же я впервые в жизни увидела тантрические скульптуры, выставленные на полный показ. Учитывая исключительный интерес к учениям высшей тантры и на Западе, и в России, а также растущую популярность тибетского тантризма в Китае, становится понятным, откуда берутся такие средства на развитие школы. Поначалу я хотела остановиться где-нибудь в монастыре и на следующий день отправиться в Дэргэ. Теперь это желание полностью испарилось, было как-то не по себе, и я отправилась с шофером обратно. Исчезло также желание на полпути выйти и ждать попутку в Дэргэ. Такие высокие горы, густые леса, бурные реки – сверх предела восприятия потомка степных кочевников.

Дэргэ

На следующий день я прибыла в Дэргэ. Дорога кошмарная, средняя скорость 25-30 км в час. Дэргэ тоже весь в зелени, большие деревья, речка. Он расположен в зоне хребта Хэндуань, в долине реки Цзиньша. В

уезде 17 гор пятидесяти тысячников. Площадь уезда 11031 кв. км, население 62000 человек. Почему-то мне казалось, что я попаду в удивительный мир тибетской культуры – старинный город вроде Лхасы в первое мое посещение в студенческую бытность в 1986 г., кругом монахи-красношапочники, живописные номады и пр. Много о Дэргэ, его культуре, людях рассказывал мне мой друг лама школы Сакьяпа Нгаванг Сопа. Но действительность совсем не оправдала ожиданий. В общем уездный город Дэргэ представляет собой ущелье, по дну которого течет узкая речка. Ее зажали в бетонные тиски и по бокам построили кирпичные высотки. Таким образом, Дэргэ представляет собой две улицы с рекой посередине. Дома стоят вплотную к реке, так что и прогуляться невозможно, да и идти некуда. Все, что есть в городе, кроме обычных тибетских пыльных улиц с тракторами, мотоциклами, лавками с ширпотребом, так это Дэргэский монастырь, называемый печатным двором, который внесен в список охраняемых памятников культуры первостепенной важности. На самом деле, типография двора славилась на весь Тибет и выпускала самое большое количество тибетских книг. Ганчжур-Дэргэского издания очень известный, он имеется в хранилище нашего Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Внешне двор напоминает типичный тибетский храм наподобие главного храма Лхасы Джокханга. Только вместо ланей у колеса учения птицы. При входе берут плату в 50 юаней. Когда заходишь в ворота, попадаешь в небольшой двор. Здание напротив ворот – храм со статуей Буддой Шакьямуни, трон слева с портретом иерарха школы Сакьяпа Сакья-Тризина, справа Панчен-ламы. Портрета Далай-ламы нет: видно, из-за того, что печатному двору придается большое государственное значение и сюда заезжают высокопоставленные аппаратчики и туристы. Весь второй этаж заполнен высокими стеллажами с печатными досками. На третьем этаже небольшое пространство отведено для рабочих мест, за которыми на досках вырезаются тексты. Рабочее место – это два грубо сколоченных деревянных сиденья и два стола. Всего таких мест четыре, никто за ними не работает, остальные места убраны, столы и стулья стоят друг на друге чуть поодаль. Две комнаты предназначены для нанесения текста на бумагу. В одной сидят четыре человека, по два друг против друга. Один смазывает доску красной тушью, другой кладет на нее бумагу и проводит по ней валиком. Готовый лист складывается на стол и так далее. В другой комнате сидит, видимо, смотритель и ничего не делает. Один человек печатает на лист картинку, еще один складывает листы стопкой. Вот, собственно, и вся типография. Я, честно говоря, ожидала увидеть более масштабное производство.

Видимо, традиционный способ печатания тибетских книг уходит. Такой трудоемкий и медленный процесс печати не рентабелен, и уже по всему Тибету и миру давно перешли на современные методы издания тибетских текстов в виде простых современных книг, хотя продолжают издавать и книги тибетского образца в виде стопки продолговатых листов с деревянными обложками, заворачиваемых в материю. Старый способ печатания, скорее всего, оставили в качестве музейной редкости.

Перевал Чола

Через два дня я отправилась в обратный путь. Выехали в 6.30. На этот раз в микроавтобусе было всего два пассажира – я и одна женщина спереди. Сначала дорога была самая обычная – вдоль реки по ущелью. Но где-то через час начался подъем. Все время понемногу шел дождик. Подъем становился все круче и круче: мы начали восхождение на перевал Цюйэршань (тиб. Чола). Дорога идет серпантинном все выше и выше, прямо к облакам и снежным вершинам скал. Все время моросит дождь,

дорога – месиво грязи. Обрыв то слева, то справа. Начинается такая головокружительная высота, что просто жуть берет. Ширина дороги – нельзя разъехаться двум машинам, одна должна встать на расширении дороги, которое повторяется через определенное расстояние. А встает машина каждый раз на самом краю обрыва. Интересен принцип вождения на дорогах Тибета. Машина, как правило, идет посередине дороги или по встречке, прижимаясь к горе. На крутых поворотах она также продолжает двигаться по встречке, только шофер начинает громко сигналить, но не всегда, в зависимости от того, кто за рулем. Встречная машина как будто бы должна слышать сигналы. Не знаю, слышит ли встречная машина или нет, я лично никогда не слышала никаких сигналов, но когда из-за поворота выскакивает машина, то всегда остается метров двадцать, на которых обе машины, резко затормозив, разъезжаются нос в нос. Я с трудом привыкла к этим маневрам, поначалу не могла удерживаться от невольных вскриков.

Таким вот образом, хотя на этот раз подъем шел зигзагами по одному склону и в обе стороны шли в основном одни фуры, мы нырнули в облака, потом из них вышли, оставили их внизу и добрались до перевала, если не до самой вершины горы. Кругом снег, но не плотный, а снежной крупой, вокруг снежные пики, ниже – зигзаги дороги, далеко-далеко внизу земля. На перевале привычное обо – насыпь камней, арка из молитвенных флагов и стела с надписью на китайском: перевал Цюйэршань, 6168 м над уровнем моря. Это самый высокий перевал из виденных мною. Высота лагеря у подножия Эвереста была 5200 м, перевал Долма-ла на Кайлаше составлял 5630. Так, Чола стал для меня самой высокой точкой подъема, хотя справедливости ради надо сказать, что Долма-ла дался намного труднее, так как до него пришлось подниматься четыре часа на своих двоих. Вниз с Чола спускались вместе с большим количеством фур. Разъезды с ними отняли у нас порядочно времени. Но довольно-таки быстро, к 10.30, спустились к местечку Маниганго. В окне промелькнуло озеро Илхун-лацо (кит. Синьлухай). Не успела толком рассмотреть. В путеводителе сказано, что это удивительной красоты священное альпийское озеро, окруженное чортенами (ступами) и наскальными рисунками. Мне повезло: шофер сразу же пересадил меня в направляющийся в Шицю микроавтобус, а сам поехал дальше в Ганьцзы. Из Шицю дорога идет в г. Юйшу, где недавно было землетрясение.

Дзогчен

В микроавтобусе сидела молодежь, направляющаяся в Шицю на заработки. На строительных работах платят по 100-120 юаней (500-600 руб.) в день, за два месяца можно заработать по 6000 юаней. Машина старая, изношенная, пришлось протиснуться на заднее сиденье между двумя парнями и тюками. Очень прохладно. Еще один перевал, тоже со снегом, но не такой высокий. Вокруг альпийские холмы, спуск – и я в селе Дзогчен. Село в отличие от виденных мною, можно сказать, шикарных поселений с домами-крепостями представляет собой захудалую деревню с одноэтажными домами-мазанками китайского типа, стилизованными под тибетские дома. От дороги до деревни меня подвезли на мотоцикле. На вопрос, сколько это стоит, мотоциклист только махнул рукой и уехал. Что значит настоящая деревня! Нашла себе комнату в доме с лавкой за 30 юаней. Рядом в китайской закусочной поелапельменей – тоже за 30 юаней.

Монастырь находится где-то в километре от села. По дороге меня опять подвезли на байке. Как это здорово! Вспоминаются школьные годы и наша бурятская деревня с бандой юных мотоциклистов.

Монастырь расположен в прекрасной альпийской долине у подножия ледниковых гор. Опять приходится удивляться. В монастыре тоже идет

грандиозное строительство. Осмотрела первый новый дацан справа. На обходе увидела скамейку, присела и начала свои записки. Здесь, как и в Пэлюле и Като, строятся огромные здания. На некотором расстоянии уже воздвигнут буддийский университет Дзогчен Шира. Все идет, видимо, к тому, что в ближайшем будущем при каждом монастыре будет свой университет, а все население пойдет в монахи и будет изучать философию буддизма. Но чтобы заполнить все университеты, потребуется все население Тибета и вдобавок добрая толика китайского.

Села на берегу бегущей и громко журчащей горной речушки по дороге в деревню. Осознаю к концу своего путешествия, что мне больше по душе пейзажи в зоне альпийских лугов – таких, как в Тагуле или Дзогчене, чем на низких высотах ущелий рек или высоко в горах. Понимаю теперь отца-степняка, который не то чтобы не любил горы, но чувствовал себя там неуютно. Мне для внутреннего комфорта тоже необходим простор. Величие гор прекрасно, но оно вызывает страх, теснение в груди. Куда как лучше видеть степные холмистые просторы на фоне снежных гор в отдалении. Пусть нет растительности, зато взгляд так радует ширь альпийских лугов, журчание прозрачной речушки, ясное небо и снежные вершины гор вокруг.

Осмотрела монастырь и университет. В общем так. Справа построенный дуган, но закрытый. Четыре этажа, на крыше павильончик. Посредине огромное строящееся здание, покрытое зеленой строительной сеткой, этажей 7-8. Слева уже построенный храм дуган, четыре этажа с павильоном на крыше. Вошла внутрь. Внутри огромный зал, посередине Будда Шакьямуни, слева Ваджрасаттва, справа гуру Римпоче, все статуи высотой около 5 м. Монах говорит, что у них каждый день по утрам читают молитвы, всего здесь около 500 монахов, 7-8 римпоче. Буддийский университет в сторону снежных гор. Не представляет собой ничего особенного. Между университетом и монастырскими постройками – большой луг или поляна. Посередине статуя Лин Гэсэра. Так и представляется, как в летнее время здесь проходят веселые пикники в виде праздничных мероприятий или буддийские учения.

Буддийский университет располагается в отдалении, в направлении снежных гор. Прогулялась в ту сторону. Удивительное по живописности место. На фоне снежных гор – храм с золотой кровлей, перед ним течет горная речушка, в которой монахи-ученики университета стирают свои вещи. Кажется, что если пожить в таком месте, все твои мысли улягутся и ты наконец-таки почувствуешь успокоение души. Такое же чувство у меня возникало при посещении одного дзэнского монастыря в Японии. Пошла вслед за монахами, оказалось, что за храмом обыкновенное поле, где ученики играли в игру, которая заключалась в кидании тарелки между двумя командами.

Китайские источники говорят, что монастырь Чжужинсы (Дзогчен) построил ученик 5-го Далай-ламы знаменитый ньинмапинский монах Байма Жэньчжэнь (Дзогчен Пема Ригдзин) при поддержке дэргэского князя Дэлинцун где-то в 1675 г. Традиция считает, что Дзогчен лично посетил основатель Ньинмапы Падмасамбхава. После постройки монастыря Пема Ригдзин назначил первого римпоче, назвав его «Дзогчен Еше Норбу» – драгоценность мысли. Монастырь был расширен в период правления империи Цин, построены учебные заведения. Монастырь пользуется большой известностью, из него вышло большое количество знаменитых наставников – Пема Ваджра, Патрул Римпоче, Мипам Римпоче и Кенпо Шенга. Во время 5-го Дзогчен Римпоче монастырь находился на пике своей активности. В нем проживало до 500 монахов, имелись 13 ретритных центров и около 280 дочерних подразделений. При полном стечении адептов собирались десятки тысяч лам, тулку, кенпо, монахов и мона-

хинь. Монастырь является колыбелью тибетской оперы «Лин Гэсэр», здешнее искусство скульптуры и танка монастыря оказало влияние на весь Тибет. Говорят, что главный храм был разрушен в результате пожара в 1936 г., сам же монастырь был полностью уничтожен в конце 1950-х гг. Сейчас монастырь восстановлен. Сюда съезжаются на обучение и практику со всех концов Тибета, а также Бутана и Непала последователи всех буддийских школ. Главой монастыря является Дзогчен римпоче.

Повернула обратно. Вошла в ворота университета. Двор, как обычно в тибетских монастырях, опоясывается домиками учеников в два яруса. Посередине здание молитвенного и учебного помещений. Какой-то монах сказал мне, что сюда заходить нельзя. Я вышла. Пошла обратно, посидела немного у реки. Река быстро бежит по валунам и булыжникам, напоминает реку на Аршане Тункинского района Бурятии, только воды побольше, сейчас много дождей. Иду потихоньку в деревню.

Деревня с виду небогатая. Домики маленькие, не такие, как в Байной. Деревня состоит из одной улицы, в каждом первом этаже магазинчики и закусовые. У своего дома села на скамейку, нет желания идти в комнату. Пришла хозяйка с маленькой дочкой, потом дедушка с внучкой. Сидели, немного общались, играли с детишками. Постепенно на улицу вышли люди, расселись на порогах своих домов и магазинчиков. Молодые парни с мотоциклами тусуются около магазинов. По дороге туда-сюда ездят машины с монахами. У них тут, по словам хозяйки, 5-6 римпоче.

Дзогчен и Чань в буддийской традиции Тибета

Первоначально школа Ньингмапа приобрела исключительную популярность на Западе, в настоящее же время отмечается стремительный рост популярности школы в Китае, чему я оказалась свидетелем. Главной причиной популярности Ньингмапы является ее учение Дзогчен (тиб. высшее совершенство) – высшая ступень пути просветления в школе. В то время как новые школы тибетского буддизма постулируют постепенный процесс обретения освобождения, Дзогчен отстаивает совершенно иной подход – метод прямого введения в состояние Будды. Согласно Дзогчену, единственно реальным является состояние изначально чистой и пустой «основы». Она же есть чистое знание ригпа, Ади-будда Кунту Санпо, Дхармакая, Ясный свет, Великое совершенство. Не существует ничего сверх этого состояния, в котором нечего отвергать и нечего принимать. Собственно говоря, это и есть состояние Дзогчена. Понимание его означает понимание Дзогчена, а практика такого состояния есть основная практика Дзогчена, которую учитель передает в посвящении «прямого введения», и эта передача не зависит ни от формальных ритуальных посвящений, ни от интеллектуальных объяснений. По словам иерарха школы Дзогчен Намхая Норбу Римпоче, «учитель вводит ученика прямо в «великое совершенство», сердце всех путей». Нирвана, конечная цель буддизма, уже проявлена, и потому все, что существует, или сансара, не страдание или иллюзия, а просветление, пять скандх (групп привязанностей) изначально чисты. Практик Дзогчена осознает это мгновенно и в полной мере и наслаждается игрой Ясного света, будучи в самом его эпицентре. Такой подход к Дзогчену – подход с точки зрения абсолютной истины, и внешне он прост и безыскусен.

Все реалии обусловленного существования адепт Дзогчена, будучи тулку (римпоче), или живым буддой, воспринимает как игру Ясного света. Он видит вещи и явления таковыми, каковы они на самом деле есть. Абсолютный уровень Дзогчена оказывается абсолютно тождественным относительному, или, наоборот, сансара становится тем же самым, что и нирвана. В относительном уровне, который является полным тождеством абсолютного измерения, также нет загрязнения, нет неведения, нет деле-

ния на хорошее и плохое, на добродетель и грех и т.д. Вся Вселенная во всем многообразии становится просветлением, любое действие подвижника – актом просветления.

Но, как нам кажется, эта мысль в философии Дзогчена выражена не столь явственно, как в Чань-Дзэн, хотя, безусловно, имеется в виду. Здесь, по всей видимости, вступают факторы национального характера. Для тибетской традиции более характерно мистическое восприятие реальности с его абстрагированностью в мир символических реалий, а для китайской – большая прагматичность и погруженность в мир действительных реалий. Немаловажным фактором для китайской традиции, как отмечают многие исследователи, является и воздействие даосизма с его центральной концепцией «естественности». Сказанное, на наш взгляд, применимо к сочинениям наставников прошлого. Что касается современных тибетских учителей, то в трудах таких наставников как Тартанг Тулку или Чогьям Трунгпа красной нитью прослеживается мысль, что просветление нужно искать не где-то вовне, а только здесь и сейчас.

В Чань, который в силу национальных особенностей китайского характера старался держаться в стороне от мистичности тантризма, очень очевиден акцент на идее присутствия Абсолюта в мире феноменов. Для просветленного сознания Абсолют присутствует в обусловленном существовании не как частица и не как потенция стать буддой, поскольку разделение на частицу и целое является тем же самым признанием двойственности, а единственно существующая реальность. «Просветление здесь и сейчас» – краткая формула, объединяющая традиции Чань и Дзогчен, и в данном аспекте и традицию Махамудры. История чань-буддизма изобилует примерами того, как чаньские наставники обретали просветление от соприкосновения с самыми обыденными вещами и явлениями (любование цветом персика), или как результат необычных действий наставника (удар палкой), или после, на первый взгляд, странных, парадоксальных заявлений и диалогов (мондо, коанов). Просветление, обретенное ими, не было состоянием экстаза или транса, уносящего практика в сферу безликого и абстрактного Абсолюта, а внезапным ощущением ясности и открытости такой интенсивности, в результате чего дуалистическое восприятие реальности исчезало без следа, а вещи и явления становились просто самими собой.

Над горой Лу дождь и туман; в реке Чэ прибывает вода.
Вдали от них я не знал покоя от тоски!
Я побывал там и вернулся... Ничего особенного:
Над горой Лу дождь и туман; в реке Чэ прибывает вода?
(Цит. по: Гарри, 2003, с. 112).

Автор этого знаменитого китайского четверостишия показывает свой опыт просветления. Сущность его в словесном выражении состоит всего лишь в том, что все просто осталось на своих местах. Не выраженным словами остался основной подтекст – просветление, которое нельзя описать, а можно только пережить. Ведь недаром известный дзэнский наставник Д. Судзуки говорил: «не может быть Дзэна без сатори (просветления. – *И.Г.*), которое поистине является альфой и омегой Дзэн-буддизма». Таким образом, в дзэнском сатори и в дзогченской практике ригпа обретается понимание того, что каждое живое существо – это Будда, окружающий мир – это дхарма, а каждое действие живого существа – буддийская практика.

Библиографический список

Гарри И.Р. Дзогчен и Чань в буддийской традиции Тибета. – Улан-Удэ, 2003.

Козлов П.К. Монголия и Кам. – М., 1948.

Chos 'phel gyis brtsams. Gangs can ljongs kyi gnas bshad lam yig gсар ma: Lha sa khul gyi gnas yig. – Beijing, 2004.

Hualang yu Bao-Zang. Ganzi zhou wenhua lüyou shouce. Ganzi zhou minzu wenhua chanye lingdao xiaozu bangongshi, Ganzi Zangzu zizhizhou wenhuaju. – Beijing: Zhongguo wenxian chubanshe, 2007.

Ran Guangrong. Zhongguo Zangchuan fojiao siyuan. Beijing: Zhongguo Zangxue chubanshe, 1994.

¹ Козлов П.К. Монголия и Кам. – М., 1948. – С. 167-168.

² Гарри И.Р. Дзогчен и Чань в буддийской традиции Тибета. – Улан-Удэ, 2003. – С. 112.

Аюшеева Д.В.

ТИБЕТСКИЙ БУДДИЗМ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Аннотация. В статье дается анализ современного состояния тибетского буддизма в Северной Америке. Автор исследует основные особенности и тенденции в развитии тибетского буддизма в этом регионе.

Ключевые слова: тибетский буддизм, линия преемственности учителей, буддийские организации и центры.

Широкое распространение тибетского буддизма в Северной Америке началось в 70-е гг. прошлого столетия. Буддизм на этом континенте известен давно, со второй половины XIX в., но как социально значимое явление стал заметным в 60-е гг. прошлого века, когда существенным элементом американской контркультуры выступил дзен-буддизм. Все же, несмотря на волну известности, вызванную, с одной стороны, популяризацией буддизма представителями движения хиппи и битников, а с другой, – академическими работами А. Уотса, Д. Судзуки, Р. Блайса и др., буддизм за рамки контркультуры не выходил и был одной из многих ее составляющих в потоке общего увлечения Востоком. Ситуация изменилась в начале 70-х гг., когда в Северной Америке обосновались несколько тибетских лам. С этого времени здесь началось интенсивное распространение тибетского буддизма. Среди причин миссионерской активности тибетских буддистов – обоснованные опасения утраты тибетской культуры в целом и религиозной традиции в частности вследствие китайского вторжения в Тибет, его оккупации и последующей политики КНР в отношении Тибета. Запад, особенно Соединенные Штаты, открыли свои границы для тибетских эмигрантов, которые перенесли сюда насчитывающий более тринадцати столетий опыт учения Будды.

Учителя четырех основных школ тибетского буддизма – ньингма, кагью, сакия и гелуг – прибыли в Северную Америку для того, чтобы познакомить западную аудиторию со специфическими буддийскими созерцательными практиками и учениями, которые передавались в непрерывной линии преемственности учителей. Линии преемственности, центральная и особые, являются важным фактором идентификации каждой школы. Центральная линия школы представляет собой последовательность учителей от Будды, через индийских наставников и до современных тибетцев, которые устные и письменные наставления передавали от старшего к младшему. В школе ньингма линия преемственности идет от Падмасамбхавы, в школе кагью – от Марбы-лодзавы (1012–1097 гг.), в сакия – от Бромги-лодзавы (993–1074 гг.), в гелуг – от Цзонхавы (1357–1419 гг.). Особые